

ВОСПОМИНАНИЯ

ОПАЛЕННЫЕ ВОЙНОЙ

(Из воспоминаний человека, лишенного детства)

Эдуарду Евгеньевичу идет 78-й год. Шесть лет назад ушел на заслуженный отдых. Недавно перенес сложнейшую операцию, после которой врачи посоветовали не поднимать груз более двух килограммов. Огород и богатый фруктовый сад в Березках, где он живет, заросли бурьяном: покосить его он уже не рискует, не говоря о работе на земле. Сыну Евгению, живущему в Речице, жаловался: без работы я не жилец. Наступил тяжелый психологический надлом. И сын посоветовал взяться за «литературное творчество», писать о своей жизни, ведь отец многое может рассказать о довоенном детстве, о войне. Будет интересно и сыну, и внукам...

А почему бы и нет? В самом деле, рассказать о себе и таких, как сам, детях войны Эдуард Евгеньевич Шетихин может многое. Кстати, эта фамилия в свое время была известна всей Беларуси. Голос солиста театра оперы и балета Белорусской ССР Евгения Шетихина — отца Эдуарда — до войны звучал не только в нашей республике. Некоторые гомельчане в последние десятилетия остались благодарны за помощь юристу и адвокату Эдуарду Евгеньевичу Шетихину. Есть еще один, уже в третьем поколении, Шетихин — Евгений — внук артиста и сын юриста, известный сегодня и у нас, и на Западе как незаурядный художник.

ДЕТСТВО В ГОМЕЛЕ

До войны, рассказывает Эдуард Евгеньевич, я с матерью и отцом жил в Гомеле, в доме, который находится сегодня напротив нынешнего «Космоса» по проспекту Ленина. В нашем доме, точнее в его подвальной части, был рыбный магазин, куда мы приходили с мамой покупать свежую рыбу. Напротив была библиотека имени Герцена, где я со временем, когда научился читать, был частым гостем и познакомился со сказками Андерсена, братьев Гримм, Пушкина... Весной мы всегда ходили в парк имени Луначарского и с его высокого берега с восторгом смотрели ледоход на Соже. Помню, как по утрам к нам во двор в белых передниках, с большими плетеными корзинами приходили женщины и предлагали бутерброды к завтраку и другую выпечку. Отец тогда работал на заводе имени Кирова, мать — на заводе «Двигатель революции». Их как участников самодеятельности называли «синеглазниками». Для отца такое занятие было серьезным и окончательным жизненным выбором дороги в искусство: его отправили учиться в Гомельское музыкальное училище имени Соколовского, а потом — в Московскую консерваторию. Уже позже на протяжении 30 лет он был солистом театра оперы и балета в Минске.

ВОЙНА

Летом 1941-го я вместе с такими, как сам, ребятами отдыхал в пионерском лагере в Ченках на берегу Сожа. До сих пор ощущаю аромат соснового леса, помню веселые песни у пионерских костров. Жили и отдыхали без тревог и забот. Но вдруг услышали о том, что началась война. Мы пока не понимали смысла этого слова, но потом на себе испытали все ее ужасы. В лагерь прибыл теплоход с родителями, и мы вернулись в Гомель. Спустя несколько дней ночью над городом вдруг завывали сирены, по небу забегали яркие лучи прожекторов. Слышали приближающийся гул самолетов. Добровольные дружины ходили по квартирам и торопили укрыться в бомбоубежище. Мать не хотела оставлять квартиру, но все-таки пришлось уйти вместе со всеми. Даже там

слышали свист падающих бомб. От разрывов вздрагивала земля. Люди плакали и молились.

Когда все стихло, мы вышли на улицу и увидели, что на месте нашей квартиры зияет большая дыра: в квартиру попала бомба. А вскоре было объявлено об эвакуации из Гомеля его жителей. На железнодорожном вокзале — масса людей. Нас распределили в товарные вагоны, на полу вместо постелей — солома. Из пожитков почти ничего не было. Поезд тронулся... Маленькая собачка, стараясь не отстать, бежит вдоль путей, глядя на людей в вагоне, словно напоминает о себе, оставленной в горящем городе... Потом, уже в Бахмаче, наш поезд бомбили. Люди выскакивали из вагонов и разбегались подальше от путей. С такими вот приключениями мы доехали до Миллерова, что в Ворошиловградской области.

В ЭВАКУАЦИИ

В Миллерово нас уже ждали. Сельчане на конных повозках привезли к себе в село Сулино. Хозяйство, по всему видно было, богатое. Председатель — добрый человек. Нас, ребят, он жалел. Меня с двоюродным братом Виктором сразу включили в работу: доверили пасти стадо коров работников этого хозяйства. Женщины в торбы клали на обед беляши, другие продукты и молоко. Так что голодными мы не были.

Во время уборки помогали возить снопы на арбах, запряженных волами. Сильное впечатление осталось от бескрайнего желтого «моря» — это были цветущие подсолнухи. Мирное время в глубоком тылу вскоре прошло: Неожиданно мы оказались в окружении. Фашисты были почти рядом. Уже недалеко гремели орудия. И опять люди поднимались с насиженных мест и уходили куда-то на Восток. Наша армия отступала. Уже потом, через годы, я понял, что и среди украинцев были разные люди: одни помогали нам, приносили кто что мог нашим солдатам, попавшим в плен, а другие встречали немцев хлебом и солью. Понятно, это были националисты.

Окупанты проверяли документы и, узнав, откуда мы, отправили назад в Гомель. Родной город был в развалинах, на вокзале построе-

ны виселицы. Фашисты чувствовали себя самоуверенными победителями. Они отличались наглостью, уверенностью, пренебрежительным отношением к людям. Часто слышали оскорбительное «Русиш швайн», «Русиш шайзе». Позже я понял истинную фашистскую философию и культуру, читая у Карла Маркса о том, что понадобилось 300 лет, чтобы немцы стали культурной нацией. В оккупации я увидел их «культуру и порядок». В одной из деревень Буда-Кошелевского района, куда мы уехали из Гомеля и жили в партизанской зоне, фашисты на ломаном русском требовали: «Давай яйца, куры, а то мы будем вас немножко вешать». Нам, детям, было многое из происходящего непонятно. Зато было очень страшно, когда видели убитых и повешенных людей, чувствовали постоянное унижение, видели разрушения и ощущали голод.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

В партизанской зоне мы жили у родственников в большом доме. Однажды ночью кто-то постучался. Все заволновались: кто бы это мог быть? Открыли и услышали свою, родную речь. В хату вошли советские солдаты. Их было трое, с автоматами наперевес. Это была армейская разведка. Что стало твориться в доме! От них узнали, что Гомель освобожден. Утром быстро направились в сторону города, не чувствуя усталости.

Каким мы его увидели? Кругом развалины. Много пустующих, сожженных и разбитых домов. Поселились в одном из них недалеко от Московской улицы, около вагоноремонтного завода. Ни одно предприятие не работало. Помощи не было никакой. Топливо добывали, ломая заборы. Еду искали в заброшенных погребках, на картофельных полях.

Посевная 1944-го. Люди в городе пахали клочки земли на себе, впрягаясь в плуги... Это были ужасно тяжелые годы. Война ушла на Запад, а в Гомеле начались работы по восстановлению предприятий, жилья. Работали железная дорога, центральный рынок. Мне было уже четырнадцать лет. Мы с братом занимались продажей сигарет. Чтобы как-то заработать на продукты, чистили обувь, в основном, у коммандатуры. Военные жалели нас: кто даст банку тушенки, кто булку хлеба, а то и денег. Однажды, помню, офицер, которому я почистил сапоги, погладил меня по голове, дал «красненькую» и сказал: «Ничего, ребята, настанут лучшие времена, вы только обязательно учитесь!»

В городе открывались вечерние школы, и я пошел в четвертый класс. Потом поступил в ремесленное училище. В форменной шинели, в костюме, о чем можно было только мечтать, гордо ходил по городу. После учебы сотни таких, как я, стали рабочим классом на станкостроительном заводе. Работали сутками. Ребята из деревень вообще работали и ночевали в цехах. Если были какие-то недостатки в работе, нас старались не ругать. Рядом начал работать хлебозавод. Запах свежего хлеба вызывал аппетит, мы были рады, что могли покупать его, хотя и по карточкам.

Так начиналась мирная жизнь. Люди верили, что все лучшее — еще впереди.

Рассказ записал
Николай ДЕГТЯРЕВ, «ГВ»